

И. В. КИРЕЕВСКИЙ

<Письмо князю И. С. Гагарину>

Москва. 10/22 Сентября 1842 года

Книга Муравьева «Правда Вселенской Церкви» имела на Вас действие противное намерению автора. Вы радовались ее появлению, надеясь найти в ней решения на все Ваши сомнения и торжественное обличение на Римскую Церковь. Но чем более читали ее, чем более вникали в ее смысл, тем убедительнее казались Вам доказательства, приводимые латинами в пользу их Церкви.

Я не имею ни малейшего желания защищать перед Вами ни автора, ни его книги, почитая вообще временем потерянным все споры о достоинствах сочинений и сочинителей. Но хочу поговорить с Вами о предмете книги, который сам по себе принадлежит к вопросам первой важности, а между нами особенно составляет предмет главнейшего, если не единственного разногласия.

Вы упрекаете автора, во-первых, за то, что он разделение Церквей приписывает честолюбивым притязаниям римских первосвятителей. «Справедливее, — говорите Вы, — может Римская Церковь упрекать восточных епископов в честолюбии и непокорности, потому что властью воспользовался один Епископ Римский, а великое множество епископов осталось ему смиренно покорными, следовательно, если и удастся нам изъяснить честолюбием веру одного Епископа Римского, то как же изъяснить веру всех прочих епископов западных?»

Но властолюбие епископов западных, подчиненных Папе, нисколько не оскорблялось теми притязаниями, которые Римская кафедра обнаруживала первоначально над другими ей равными. Напротив, чем более Западная Церковь и ее глава возвышались в общем мнении западных народов, тем более возрастало влияние западного духовенства на власти светские и, следовательно, тем более могло удовлетворяться честолюбие областных епископов, встречавших соперничество не в Папе, которым они утверждались и поддерживались,

но в правителях мирских, с которыми они делили владычество над народом. Вам известно, как долго Западные епископы называли себя *Епископами Милостию Божией и повелением Короля* и как поздно они начали писаться: *Милостию Божиею и Апостольской Кафедры*. Вспомните притом, как долго Соборы созывались королями, как книги не обнародовались без их печати и одобрения: *lectus et comprobatus fuerit a Domino Rege*. Как даже в предметах веры они исправляли их по своему благоусмотрению, и епископы за то должны были еще благодарить их. Потому, по мере возрастания власти Папской, возрастала и власть епископов. Впоследствии же времени, когда власть Папская, беспрестанно увеличиваясь, начала уже стеснять власть высшего духовенства, тогда мы видим в нем постоянное стремление ограничить права своего Первосвященника, который с своей стороны противодействовал им покровительством низшего духовенства и монашеских орденов, находившихся в эту эпоху и до самой Реформации в беспрестанной борьбе с епископами, коих власть они уменьшали до того, что на всех Соборах до Тридентского включительно это обстоятельство составляло один из главнейших предметов неудовольствий и жалоб и одну из первых причин, побуждавших епископов желать переобразования Церкви в голове и членах.

Таким образом, успехи честолюбия или, правильнее, властолюбия Первосвятителей западных нисколько не доказывают особенной смиренности и покорности подчиненных епископов, ибо власть Папы сначала не противоречила их мирским выгодам, а потом влияние епископов было задавлено сильнейшим.

Что же касается до невероятности, которую Вы находите в том, чтобы властолюбие Пап «могло переходить как наследство длинный ряд преемников», то это, мне кажется, весьма удовлетворительно объясняется особенным положением Пап, соединявших в одном лице и духовное, и светское господство, так что увеличение одного усиливало другое. Вообще же чувствительность к мирским интересам не есть случайность, но по несчастию самая обыкновенная слабость человека.

Напротив, святость, бескорыстие, правота, перебор выгодам, мнениям, предрассудкам и всем окружающим обстоятельствам была бы редкою случайностью, и не только редкою, но, при отделенности Западной Церкви от других, почти невозможною случайностию. Ибо не сам собою, но только вместе со всею Православною Вселенскою Церковью и только ее силою может спастись от земных увлечений один человек, или один народ, или однородное собрание народов, проникнутых односторонним языческим просвещением, или одна епархия, или отдельное собрание епархий, непременно склонное

к односторонности уже по причине своей отделенности. Когда однажды Римская Кафолическая Церковь увлеклась далее границ своих прав, то уже трудно было Папе, при всей возможной святости частного лица, переменить стремление умов, отделиться от всего окружающего, стать одному против общих мнений, интересов, страстей, преданий, пойти наперекор всему быту Церкви, беспрестанно спорящей о правах и преимуществах, особливо когда мы вспомним, что действуя таким образом против понятий и выгод того общества, которого он был представителем, он не мог иметь утешением даже твердой уверенности, что он действует справедливо; ибо не надобно забывать, что искаженные акты Соборные, фальшивые декреталии, выдуманнные послания и т. п. обличены в подлоге только в новейшее время, а прежде того иные Папы могли добросовестно если не верить им, то по крайней мере и не знать наверное их ложности.

Припомним к тому же, что Римская Церковь возросла на развалинах языческого Рима, проникнутого, так сказать, до самого корня своего страстию преобладания и духом господства над вселенною; что если мнения языческие, несмотря на явное разногласие с христианскими, могли так долго держаться посреди христиан, то самый склад ума и характера еще труднее мог изгладиться в потомках мироправителей; ибо он, даже им самим незаметно, мог переходить в их новую деятельность. Сообразив все это, легко себе объяснить, каким образом властолюбие Римской кафедры, не говорю — *должно было* (сохрани меня Бог от этого мнения), но *могло* начаться так рано, продолжаться так постоянно и достигнуть такой степени, несмотря на различные характеры лиц, ее занимавших.

И не одна Римская Церковь имела свою склонность к падению. Как Римской предлежала борьба с духом римского властолюбия, так Александрийской грозило влияние александрийской философии. Климент еще не проповедует ереси, но уже в нем Вы предчувствуете Оригена. И могла ли бы Александрийская Церковь устоять против его лжеучения, если бы не совокупные усилия всех Церквей поддержали ее силой Того, кто сказал: «Аще двое или трое соберутся во имя Мое и аз посреди их». Ориген пал, Православие устояло в Александрии.

То же можно сказать и о других Церквях. Оставленные на произвол своих отдельных сил, своего отдельного разума, конечно, ни одна не могла бы удержать учения Христова в настоящей чистоте его. Может быть, греческая склонность к буквальности, догматизированию; иерусалимская — к мечтательному аскетизму; антиохийская — к обрядности, так сказать, к практической буквальности, и вообще каждая часть, выдавая себя за целое, должна была впасть

в заблуждение. Но Церкви сии не отделялись от сестер своих, и православное учение держится в них непоколебимо.

Впрочем, стремление к отделению есть самое естественное для каждого нравственного лица. Не только каждое сословие, каждое общество, но даже каждое место в обществе обыкновенно имеет свой особенный дух и характер, постоянно спорящий о преимуществах и постоянно одинаковый, несмотря на различие характеров частных лиц, служащих ему органом. Ограничусь примером постоянной борьбы доминиканцев с францисканцами, фомистов со скотистами, иезуитов с бенедиктинцами, которые все называли себя христианами, равно принадлежали Римской Церкви, равно признаны ею и, несмотря на то, постоянно действовали друг против друга. Случайность ли это частных характеров или внутренняя сила обстоятельств, могущих покориться только силе единства Церковного?

Впрочем, я охотно соглашусь, что все эти объяснения доказывают только *возможность* и, так сказать, естественность честолобивых причин в уклонениях Западной Церкви; но *действительность* их может доказаться только подробным разбором самого дела. Между тем, если правда, что всякому искажению догмата соответствует непременно заблуждение нравственное, то убедившись раз в неправильности притязаний римских, нельзя и предположить им и причины, основанной на каком-либо из видов своекорыстия или страсти. Потому слово *честолобие* могло быть употреблено автором не как упрек, еще менее как ругательство, но просто как прямое выражение результата его книги. Вопрос же о приличии, уместности и пр., как и все вопросы о редакции, позвольте оставить в стороне.

* * *

Продолжая разбирать предисловие, Вы опровергаете слова Автора, что Римская Церковь оставляет без особенного внимания у присоединяемых ею разность исповедания о исхождении Святого Духа и другие важные различия, касающиеся до совершения таинств, прежде и свыше всего, домогаясь установить власть своих первосвященников. Против этого Вы говорите, что будто сама Восточная Церковь не воспрещает никому веровать в исхождение Святого Духа и *от Сына*, что нет ни одного канона, ни одного определения Восточной Церкви, который бы говорил, что Святой Дух *не исходит* и от Сына; но, что только она не составляет из сего догмата и не обязывает веровать в сие, но, что исхождение Святого Духа и *от Сына* есть свободное мнение, которое каждый в Восточной Церкви волен принимать или

отвергать, и что, наконец, с Римской Церковью она спорит не о догмате, но единственно о власти прибавлять сии слова к Никейскому символу: что, вследствие этого, если Римская Церковь имела право прибавить сии слова, то очевидно, что она имеет и право позволять, когда почитает сие нужным, не произносить их, но, что из сего никак не следует, чтобы она позволяла не принимать догмата и пр., и пр.

Это мнение Ваше, признаюсь Вам, кажется мне столь явно неправильным, что я затрудняюсь опровергать его, чтобы доводами моими не ослабить несомненность очевидности. Но прошу Вас вспомнить только, что догмат о исхождении Св. Духа и *от Сына* был всегда признаваем прямо *ложным* всеми общими и частными соборами Восточной Церкви, где только речь до него касалась, начиная от общего Константинопольского, называемого Восьмым Вселенским, и где началось разделение Церкви, и до частного Ясского, утвердившего Православное Исповедание Петра Могилы, подтвержденное после всеми Иерархами Восточной Церкви. Сверх того, *все* святые отцы Православной Церкви, писавшие по разделении, единодушно и явно исповедуют мнение свое о сем догмате, где только о нем упоминают, и не говоря уже о бесчисленном множестве позднейших писателей, особенно после Соборов Иерусалимского (в 1447) и Московского в 1447-м, собранных против флорентинского соединения, но даже начиная с Иоанна Дамаскина, которого сочинения единомысленно принимаются всеми сынами Восточной Церкви за истинное верование. Между прочим, посмотрите «Богословие» его, книгу 1, главу 2, в конце.

Кроме того, такое же учение о Духе Святом рассыпано во многих местах нашего богослужения (не выписываю, потому что не имею книг под рукою), особенно же прошу Вас обратить внимание на вечернюю службу 1-й недели Великого поста, называемую Ефимонами. — После всего этого, конечно, Вы согласитесь, что я никак не мог понять утверждения Вашего, будто Восточная Церковь принимает равно и то, и другое мнение о Духе Святом, будто она не воспрещает учения, противного тому, которое сама ежедневно исповедует в святых храмах по всем концам православного мира, которое она утверждала единодушно всеми Соборами, где касалось о том дело и всегда единогласно выражала в толкованиях и учениях всех своих пастырей и учителей. Конечно, общий Константинопольский собор при Фотии не носит названия Вселенского, тем не менее, однако, он был единодушным выражением исповедания всей Православной Церкви, а вера всей Церкви, вера всех сынов ее, не может заблуждаться, и есть непременно святая апостольская, преданная законо-верующим от первых святителей слова, иначе она не могла бы быть всеобщей. — Как же Вы

хотите после этого, чтобы Церковь позволяла верить в противное своему единодушному исповеданию!

Ответив таким образом на возражение Ваше, будто разногласие между Западною и Восточною Церковью заключается не в учении о самом догмате, но единственно в учении о власти Папской, я думаю, что тем самым отвечал и на дальнейшие выводы Ваши против обвинения Муравьева. От разномыслящих в самом существенном догмате, в догмате о Святой Троице, не требовать согласного с Церковью исповедания, но просить только покорности ее первосвященнику, очевидно, мне кажется, доказывает, что покорность Папе почитается единоисповеданием догматов веры. Хотя Вы и говорите, что покорность Папе предполагает и принятие его веры, но это только логический постулат, который весьма легко может быть и не присущ уму присоединяемых. К тому же воспитанные на учении противном, почему знают они, как верует Папа, если Церковь в исповедании своем не выражает этой веры? Вы скажете: они могут узнать веру Пап в книгах, в школах; но все ли могут иметь этот случай? И для чего же не в Церкви, во время исповедания веры, узнать им истинное исповедание, особливо если они заблуждались, и тем более, что вся Римская Церковь читает исповедание Папское, и им одним, заблуждавшимся, оставляют произносить не Папское исповедание, но выпускают из него именно то, что одно могло бы исправить их заблуждения? Для чего это делается — мне понятно; папист властен иметь мнение другое, но вряд ли может иметь его добросовестно.

Далее, Вы говорите, что Римская Церковь, имея право прибавлять к Символу, имеет право и дозволять, когда почитает сие нужным, не прибавлять к нему. Но в таком случае, что же значит это прибавление? Если оно зависит от благоусмотрения Папы, то, очевидно, может зависеть и от прихоти; оно было нужно, когда надобно было отвергнуть не признающих самодержавие Пап и когда дело шло о разрыве всего Востока с Западом; оно почитается ненужным, когда выигрывает политическая власть Папы и когда от Восточной Церкви отрывают провинции к Западной.

Тяжело быть защитником такого дела, но еще тяжелее, я думаю, с защитою такого дела связать вопрос о спасении.

Далее, Вы нападаете на слова Автора: «и другие важные различия в совершении таинств». Не стану защищать литературную сторону этой фразы. Что же касается до Вашего мнения, что Римская Церковь всегда почитала различие в обрядах несущественным, — то это мне кажется несправедливо. Александр III¹ в 4 декреталии своей говорит именно: «*si quis puerum ter in aqua immerserit in nomine Patris et Filii et Spiritus Sancti, amen, nec dixerit: ego te baptizo, puerum non esse*

baptizatum»². — Это говорит не епископ той или другой стороны, но наместник Христов, Глава и Представитель Церкви, которая не может заблуждаться. Правда, после того другой Папа объявил противное, но это доказывает только, что Папы могут давать разные решения на один предмет, не менее того видно, что обряды, которые в нашей Церкви почитаются только обрядами, в Римской имеют значение сущности. В этом случае всего разительнее то, что до Флорентийского собора, по причине этого различия обрядов, *перекрещивали* греков, присоединяемых к Римской Церкви. А после Флорентийского собора даже не сочли нужным совершить над ними миропомазания, ни рукоположения. Какая причина могла быть этому — для меня ясно; желаю, чтобы ясно было и для Вас. Но одно мне кажется нерешенным на Западе: *когда* ошибалась Римская Церковь: перекрещивая или не перекрещивая? Который из Пап заблуждался: Григорий IX³ и все его последователи до Евгения V, или Евгений V и его последователи до наших времен!

Римская Церковь, говорите Вы, признавала до разделения и после разделения признает действительность таинства Восточной Церкви, потому что на священников Восточной Церкви нисходило непрерывную последовательностью таинство рукоположения апостольского; она им отказывает единственно в законности паствы (jurisdiction).

На первую часть этого предложения я уже отвечал, и мы видели, что учение Западной Церкви в этом случае менялось сообразно времени и выгоде. Но последнего, признаюсь Вам, не понимаю. Что такое отказывать в праве паствы и признавать действительность рукоположения? Можно ли рукополагать в чужой пастве? или рукополагать без права паствы? На каком Соборе это дозволено и каким Собором отменены противные правила Соборов Вселенских? Прежде чем Вы будете отвечать мне на эти вопросы, я распространяться о них не стану, но мне кажется, что в положении Вашем есть явное самоотрицание. Если это есть учение Западной Церкви, то много хитрости нужно ей, чтобы защитить его.

Примером воссоединения униатов с нашей Церковью Вы доказываете, что и она так же признает действительность таинств, совершаемых в Римской Церкви.

Признаюсь Вам, что я не знаю, каким образом совершилось воссоединение униатов. Но знаю только, что из этого действия никак нельзя заключить ничего доказательного о нашей Церкви вообще. Если бы мы признавали видимую главу Церкви, наместника И. Х., непогрешаемого представителя веры всех православных, тогда бы, конечно, из его веры, действия и учения мы безошибочно могли бы заключить о вере всей Церкви. Но так как мы не имеем, кроме И. Х.

другой главы, то и не заключаем ничего положительно-догматического из действий одной епархии, или одной Церкви Русской, или Александрийской, или Иерусалимской, или Константинопольской. Мы не осуждаем действий, потому что не судим, но и не выводим из них непогрешимого догмата. Так, я знаю, что обыкновенно над принимаемым из латинства совершалось миропомазание. Были, однако, некоторые епископы, которые почитали нужным перекрещивать папистов, и если они ошибались, то ошибались одни, а не Церковь, которая никогда сего не утверждала. Но совершалось ли теперь миропомазание над униатами, — я не знаю, так же как не знаю и того, есть ли какое различие в обряде восприятия униатов от обряда принятия римских папистов. Если же Вам известно, то очень бы обязали меня, сообщив мне эти сведения.

